

СООБЩЕНИЯ

Л. М. ФРАНЦЕВА

ДОНСКОЕ КАЗАЧЬЕ ОПОЛЧЕНИЕ 1812 ГОДА

Победа России в Отечественной войне 1812 г. неразрывно связана с именем гениального русского полководца М. И. Кутузова.

Подготавливая контрааступление русских войск, М. И. Кутузов обращал особое внимание на создание сильной конницы, необходимой как для ведения «малой войны», так и для повышения подвижности армии в ходе наступления. Одним из самых многочисленных кавалерийских подкреплений главных русских сил явилось казачье ополчение, прибывшее в Тарутинский лагерь в конце сентября — начале октября 1812 г.

С приходом в Тарутину донских полков была окончательно решена задача усиления русской конницы, которая к моменту выхода из Тарутинской значительного выросла и превысила численный состав кавалерии войск Наполеона¹. Кавалерия Кутузова сыграла решающую роль в преследовании противника в ходе контрааступления².

В работах советских историков последних десяти лет (П. Бабеншина, Н. Конылова, Б. Ф. Ливчака, П. Г. Рындзюнского, П. Жилина и др.) встречаются упоминания о 26 донских казачьих полках, прибывших в Тарутинский лагерь. Названные авторы правильно связывают организацию донского ополчения с манифестом 6 июля 1812 г. и указами М. И. Кутузова³. Они отмечают большое значение, которое имело для русской армии это многочисленное ополчение⁴. Однако изучением донского ополчения не занимался специально никто. Поэтому сообщаемые сведения в большинстве своем слабо аргументированы и обычно не выходят за пределы уже известных фактов.

Войсковому атаману М. И. Платову в советской литературе посвящено лишь несколько статей компилятивного характера. Отметим из них статью А. Негина-Попова⁵, которая не только не дает ничего нового, но, путая факты, неправильно освещает вопросы, связанные с организацией казачьего сполчения из Дону. К тому же автор невольно повторяет тенденцию дворянской историографии, превращающей Платова в инициатора

¹ См. П. Г. Рындзюнский. Кутузов и русская армия в 1812 году — *Труды Гос. ист. музея*, вып. XX, М., 1948, стр. 131.

² См. П. А. Жилин. Контрааступление Кутузова в 1812 г., М., 1950.

³ П. В. Бабеншин. Донские казаки в войне 1812 года. Ростов н/Д., 1940; Н. Конылов. Народное ополчение 1812 г. — *Военные мысли*, 1941, № 8; Б. Ф. Ливчак. Принципы комплектования и правовое положение ратника в народном ополчении 1812 г. — *Ученые записки Свердловского юрид. ин-та*, т. II, 1947. Им же написана диссертация об организации и формах народного ополчения 1812 г.

⁴ Кроме указанной статьи П. Г. Рындзюнского, см. также его статью «Кутузов в Тарутинском лагере» — *Исторический журнал*, 1945, № 3.

⁵ А. Негин-Попов. Матвей Платов — *Военно-исторический журнал*, 1949, № 12.

донского ополчения, который действовал якобы независимо от М. И. Кутузова.

Создается впечатление, что лишь во второй половине августа (первая отставка Платова длилась с 18 по 25 августа) из приказа своего атамана донцы узнали о нашествии Наполеона, что именно Платов призвал казаков ополниться против врага. В действительности еще в начале августа донское казачество было в курсе событий, составляло полки и готовилось к походу.

И. Бабенников несколько дополняет имеющиеся в литературе скучные сведения о донских ополченских полках. Однако эти дополнения, основанные в большинстве своем на печатных источниках, не вносят ничего существенно нового.

В настоящей статье, базирующейся главным образом на новых архивных материалах, автор поставил целью подробно обрисовать организацию донского казачьего ополчения 1812 г. и показать значение, которое придавал казачьим резервам М. И. Кутузов, подготавливая контраступление русских войск. В нашем задании не входит освещение вопроса об участии ополченских полков в военных действиях против Наполеона, так как в Тарутине донское ополчение было расформировано, а казаки-ополченцы получили направление в различные части и отряды Главной армии. Таким образом, участие донского казачества в контраступлении Кутузова должно быть освещено в специальном исследовании, выходящем за рамки данной статьи.

* * *

12 июня 1812 г. наполеоновские войска перешли Неман и вторглись в пределы России. Наполеон рассчитывал путем внезапного нападения, в ходе двух-трех победоносных генеральных сражений, принудить русскую армию к сдаче и продиктовать России мир, который фактически лишил бы ее экономической и политической независимости. Однако уже с первых дней войны стало ясно, что надеждам Наполеона на скорую победоносную войну не суждено осуществиться. Первой и второй западным армиям удалось выйти из-под удара превосходящих сил французов и соединиться в Смоленске. В стране израстил патриотический подъем. В местах, занятых врагом, крестьяне поднимались на патриотическую борьбу с захватчиками. Началась организация ополчений. Вместе со всем русским народом поднялись на защиту отечества донские хуторы и станицы, слободы и села.

Большую часть жизни донцы проводили в походах, участвуя в многочисленных войнах царской России. Но эта война не была войной обычной. Не в «турецких предлах», не в «землях шведских», не в «земле итальянской», а на русских полях бились казаки, защищая свою родину.

Ополчение 1812 г. не было первым ополчением в истории донского казачества. И раньше в особо важных случаях объявлялось поголовное ополчение войска. Тогда отменялись отпуска и льготы, в полки записывались не только служилые, но и отставные казаки и юноши, не достигшие призывающего возраста¹. В первой четверти XIX в. войсковая канцеля-

¹ Мужское казачье население Дона, составлявшее в целом военное сословие, делилось на два основных разряда — казаков служилых и неслужилых. В разряд служилых казаки записывались с 19-летнего возраста. Два года после этого они оставались на Дону, исполняя внутреннюю службу и числясь по войску «малолетками». Затем они записывались в полевую службу, которая испытывалась обычно за пределами области войска Донского. Прослужив 25 лет в полевой службе, казак зачислялся в службу внутреннюю (служба на границах области, годовые караулы по войску, служ-

ляния три раза выносил решение об организации ополчения: в 1801, 1806 и 1812 гг. В 1801 г., по указу Павла I, был предпринят известный Оренбургский поход донских казаков, в котором участвовало все войско Донское, за исключением пограничных полков. Поход этот не был популярен и остался в памяти донцов как тяжелая, бесцельная экспедиция.

Осенью 1805 г. Россия, находясь в союзе с Англией и Австрией, вступила в войну с Наполеоном. Манифест 30 ноября 1806 г. о создании внутреннего ополчения не коснулся Дона. Несмотря на это, войсковая канцелярия объявила, чтобы служилые и отставные казаки, урядники и офицеры были готовы выступить в составе всеобщего ополчения². Формирование полков прекратилось в связи с заключением мирного договора.

Третий раз решение о поголовном ополчении было вынесено войсковой канцелярией 20 июля 1812 г. Обстановка в то время была совершенно иной, чем в 1801 или 1806 гг. Цель войны 1812 г. была ясна и понятна: надо было прогнать армию «двадцати языков», спасти от разорения русскую землю, отстоять честь и независимость родной страны. Вот почему манифест 6 июля 1812 г.³ о повсеместной организации ополчений и последующее решение войсковой канцелярии были встречены на Дону с воодушевлением. В Новочеркасске манифест, с соответствующим указом правительства сената, был получен 20 июля⁴. Вечером того же дня войсковая канцелярия приняла обширное решение «о составлении с земель войска Донского всеобщего воинского ополчения». Копия его была направлена войсковому атаману М. И. Платову, находившемуся в действующей армии⁵. В этом решении подробно определялся порядок формирования ополченских казачьих полков, их снаряжение, обмунирование и т. д.⁶

Войсковая канцелярия послала в сыскные начальства⁷ и станичные правления указы с требованием собрать всех годных к службе казаков, желающих ити в ополчение. Для снабжения ополченцев оружием предписывалось найти пильщиков, столяров, плотников, поручив им делать ратовья; в кузницах готовить дротики для тех, кто их не имеет. Сыскные начальства и станичные правления обязывались еженедельно представлять донесения в войсковую канцелярию. Казаки и офицеры рабочих полков Ягодина 2-го и Грекова 2-го решением канцелярии были сняты с работ в Новочеркасске и распущены временно по домам для сборов к походу⁷. Отставным и служилым казакам, находившимся

за полицейская и конвойная, отбывание почтовой и земской повинности и т. д.). После 25 лет полевой службы и 5 лет службами внутренней казак получал отставку и переводился в разряд неслужилых (ПСЗ, т. XXVII, № 20183). К неслужилым казакам относились также больные, не способные к полевой службе казаки и все несовершеннолетние.

¹ ЦГВИА, ф. 13, оп. 3, д. 11, лл. 1—6.

² ПСЗ, т. XXXII, № 25176.

³ Ростовский обл. гос. архив, ф. 341, оп. 1, д. 172, л. 118—118 об.

⁴ И. Попов. Материалы к истории Дона, Новочеркасск, 1900, стр. 49—54; сб. «Донское казачество в Отечественной войне 1812 г.», Ростов н/Д, 1913, стр. 33—38.

⁵ Ростовский обл. гос. архив, ф. 55, оп. 1, д. 1169, лл. 6—13.

⁶ Институт сыскных начальств был создан на основе введенных на Дону в 40-х годах XVIII в. старшин по сыску беглых. В 80-х годах XVIII в. они были заменены сыскными начальствами — по одному из каждого округа (К. В. Марков. Крестьяне на Дону — Сборник областей войска Донского статистического комитета, вып. 13, Новочеркасск, 1915, стр. 95).

⁷ Весной 1812 г. в войске Донском состояло всего 65 казачьих полков, две роты конной артиллерии и 30 командел. В указанных полках, ротах и командах было 1171 офицер, 761 урядник, писарь и 37 080 казаков. Большая часть полков находилась при двух западных армиях, в Молдавской армии и на Кавказе, остальные были

на кордонах для поимки беглых, предлагалось готовиться к полевой службе, для чего они также были отправлены по домам. Есаул Каменщиков должен был осмотреть шесть орудий донской конной артиллерии и приготовить «потребное число для всего воинского ополчения пороха и синца».

Донские поземенки призывались к составлению ополчения из при- надлежащих им крестьянских крестьян. Для скорейшего обсуждения вопроса о формировании земского (крестьянского) ополчения было решено пригласить в Новочеркасск всех дворян из ближних поместий. Дворянский съезд 26 июля вынес решение: из состоявших за донскими поместниками (по 6-й ревизии) 76 853 крестьянина собрать в ополчение от каждого 100 душ по 4 человека в возрасте от 17 до 50 лет. Ратники в первую очередь должны были быть вооружены пиками, а также, по возможности, иметь сабли, пистолеты, ружья. Каждый крестьянин-ополченец получал провизант на 6 месяцев (на один месяц продуктами, а на остальные — деньгами); одеть крестьянина предлагалось по казацкому образцу, куртку и шаровары сшить из серого сукна. Для приема ополченцев и их сопровождения до сборных мест назначались офицеры, специально выделенные войсковой канцелярией в каждое смисское начальство. Общее командование донским крестьянским ополчением поручалось полковнику Степану Грекову¹.

Решение войсковой канцелярии от 20 июля 1812 г., а также последующие ее заседания, происходившие ежедневно утром и вечером, свидетельствуют об энергичных мерах, принимавшихся для скорейшего формирования, вооружения и отправки в армию полков донского ополчения.

В станицах и хуторах казаки готовились к походу. А тем временем на Дон уже скакал гонец с новым царским манифестом — от 18 июля 1812 г. Александру I, испугавшись возможности создания массовых народных ополчений, строго ограничил число губерний, обязанных выставить ополчения. По манифестию области войска Донского исключалась из числа губерний, формирующих ополчения.

Крестьянское ополчение, согласно манифестию 18 июля, оставалось на Дону. Ополченцы-крестьяне были распущены по домам. Донские крестьяне участвовали в войне 1812 г. лишь в качестве солдат регулярной армии. Что касается казачьего ополчения, то, вопреки прямому указанию манифеста, наказный атаман ген.-майор Денисов 6-й и войсковая канцелярия решили продолжать сбор казачьих ополченских полков². Это решение, как и первое, встретило полное одобрение донских казаков, стремившихся принять активное участие в борьбе с Наполеоном.

В первых числах августа в Новочеркасске было получено предписание войскового атамана Платова наказному атаману Денисову от 26 июля за № 1016³.

расположены в Петербурге, Москве, в Финляндии, Одессе и в Крыму. Лишь два полка оставались на Дону, в Новочеркасске, где были заняты на строительных работах.

¹ Ростовский обл. гос. архив, ф. 46, оп. 1, л. 104, лл. 19—22 об., 57—58 об.

² Рапорт Денисова 6-го Александру I от августа 1812 г.—Сб. «Донское казачество в Отечественной войне 1812 года», стр. 38—39. Копию этого рапорта Денисов направил войсковому атаману Платову.

³ Опубликовано в сб. «Донское казачество в Отечественной войне 1812 года», стр. 31—33, с ошибочной датой — 26 июня 1812 г. (См. Ростовский обл. гос. архив, ф. 46, оп. 1, л. 104, лл. 2—5 об., где хранится подлинник предписания Платова).

Правильность нашего чтения документа подтверждается тем обстоятельством, что в предписании Денисову от 22 августа 1812 г. за № 1079 Платов ссылается на свое распоряжение от 26 июля № 1016 (сказ. сборник, стр. 40). На это же распоряжение он ссылается в рапорте Александру I от 18 октября 1812 г. (ЦГИАЛ. ф. 1409, л. 73).

М. И. Платов, как главный начальник войска Донского, приказывал немедленно объявить наряд всем служивым офицерам, урядникам и казакам, находившимся по каким-либо причинам на Дону (лыготным, отпускным и др.). Формируемые команды, численностью от 300 до 500 чел., предписывалось направлять к Смоленску в распоряжение Платова. Одновременно он предлагал обратиться с возвзванием к отставным казакам и чиновникам быть готовыми к походу. В заключение атаман писал, что «война сия не есть продолжительна и зависит от общего и единодушного ополчения против нашествия врага, по одолению которого возвратятся все со славою в дома свои»¹. Распоряжение Платова явилось дополнительным руководством для войскового начальства.

Руководство формированием, снаряжением и отправкой в армию казачьих полков было сосредоточено в войсковой экспедиции войсковой канцелярии. В округах этим занимались смисские начальства, в помощь которым были назначены специальные лица из высшего донского офицерства, так называемые окружные начальники и их помощники². Станичные правления отвечали за сбор казаков своих станиц.

Тем временем Наполеон подходил к Москве. Необходимость быстрой организации дополнительных военных сил была очевидна для всех, и особенно для М. И. Кутузова, в августе 1812 г. назначенного главнокомандующим. Великий полководец через Платова и сам непосредственно торопил формирование донских полков. По его указанию, наказной атаман Денисов посыпал рапорты о ходе сборов ополчения не только Платову, как войсковому атаману, но и управляющему военным министерством Горчакову и самому Кутузову³, а также комитету внутреннего ополчения в Петербург⁴.

Полки формировались по округам, на которые делилась область войска Донского. Каждому округу было предложено выставить определенное количество полков. Наряженные в ополчение казаки собирались по станицам, а затем ехали на сборные пункты, где записывались в полки. Полковые командиры назначались из числа отставных и служивых казаков-офицеров, временно находившихся на Дону.

В феврале 1812 г. на территории области войска Донского числилось 6713 служивых казаков. Из них 1530 чел. значились в отпуску, 3080 имели льготу, около 2000 указывались в ведомостях малолетними,

л. 1). В сборнике материалов И. Попова, где документ был впервые опубликован, он также помечен 26 июля 1812 г. (И. Попов. Указ, соч., стр. 54). Наконец, в «Общем своде движений и действий русской армии в 1812 году» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3406, л. 10) указано, что 20 июля Платов был в Шеломце, т. е. в той деревне под Смоленском, откуда было получено предписание Платова. Ошибка в дате привела составителей сборника к тому, что в разделе «Ополчение на Дону в Отечественную войну 1812 года» предписание Платова от 26 июля они поместили на первом месте, заnim опубликованное донесение войсковой канцелярии Платову от 23 июля. Т-м самым создается впечатление, что организация ополченских полков из Дона была начата по указанию Платова, а канцелярия лишь доносила атаману о сделанных по его приказу распоряжениях. В действительности, как мы уже видели, дело обстояло иначе. Войсковая канцелярия еще до получения предписания Платова объявила о всеобщем ополчении донского казачества, руководствуясь при этом манифестом 6 июля 1812 г.

¹ Ростовский обл. гос. архив, ф. 46, оп. 1, д. 104, л. 5.

² См. упомянутое уже решение войсковой канцелярии от 20 июля 1812 г.

³ См., например, рапорты Денисова Александру I от 5 августа 1812 г. (Ростовский обл. гос. архив, ф. 55, оп. 1, л. 13, лл. 47—49). Горчакову от 13 сентября 1812 г. (В. Путанов. Казаки в войне 1812 г.—1812 год, № 11—12, стр. 407); Кутузову от 18 сентября 1812 г. («Донское казачество в Отечественной войне 1812 г.», стр. 42) и др.

⁴ ЦГИАЛ. ф. 1286, оп. 2, д. 297, ч. 1, лл. 7, 15.

которые приняли присягу, но еще не были зачислены на полевую службу, и 153 казака были недавно зачислены в казачье сословие¹.

Служилые казаки составляли полный комплект полков Попова 13-го, Кутейникова 2-го, Ягодина 2-го и Гречанова 2-го². Себественно ополченские полки формировались преимущественно из отставных казаков и малолетних, 17—20 лет; служилых казаков и офицеров в этих полках было немного. В ополчение зачислялись рядовые казаки и офицеры не старше 55 лет и не моложе 17 лет. Однако были и исключения. Например, в полку Андриянова 3-го числился есаул Терентий Савельевич Широков 60 лет, а в полку Андриянова 1-го — хорунжий Николай Тимофеевич Малахов 16 лет³.

Одновременно с полками комплектовалась полурота конной артиллерии, которая должна была выступить вместе с ополчением. По решению войсковой канцелярии, в артиллерию назначались бывшие артиллеристы, уволенные по разным причинам, а также изъявившие на то желание молодые способные казаки. Начиная с конца июля и на протяжении августа для артиллерийской команды закупались лошади и различное снаряжение⁴.

Казаки спешно готовились к походу. Запись в полки происходила в обстановке большого патриотического подъема. Следует отметить, что если служилые казаки обязаны были по наряду отправляться на службу, то отставные казаки, составившие большую часть ополченских полков, шли в ополчение добровольно.

Специальными решениями войсковая канцелярия предписывала сыскным начальствам заносить в списки полков офицеров, урядников, писарей, занимающих различные должности в начальствах и станичных правлениях, заменяя их людьми старыми и слабыми⁵. Кроме того, войсковой канцелярией были посланы специальные чиновники «в изызвые места и на рыбные ловли, до морских гирт и по над морем до города Мариуполя», с приказом всем «в промысле находящимся чиновникам и казакам возвращаться к станицам и готовиться к походу»⁶.

Хоперское начальство разоспало по станичным прапорщикам указ о возвращении в станицы казачьих команд, находившихся у присмотра войсковых лесов, для снаряжения их в ополчение. Вместо них презполагалось поставить не способных к службе обывателей. Ввиду недостатка офицеров для формируемых полков две комиссии воинского суда были слиты в одну, а освободившиеся благодаря этому штаб-офицер и урядник поступили в полк⁷. Казакам, служившим на почтах, также было предложено готовиться к походу, хотя временно они оставались на своих местах. Для проверки их боевой готовности к ополчению канцелярия командировала на почтовые тракты офицеров⁸. В ополчение вступили также 13 учеников и 6 учителей донских училищ⁹.

¹ Рапорт казакного атамана Киреева Платову от 10 февраля 1812 г. (Ростовский обл. гос. архив, ф. 46, оп. I, д. 103, лл. 10—11 об., 59).

² До 1825 г. донские полки назывались по имени своих командиров.

³ ЦГВИА, формулярный список донского казачьего Андриянова 3-го полка, л. 7, 15.

⁴ Ростовский обл. гос. архив, ф. 55, оп. I, д. 1163, лл. 107—107 об., 120 об.—121 об.

⁵ Там же, лл. 106, 120; д. 944, л. 90.

⁶ Там же, д. 1163, л. 120; ф. 341, оп. I, д. 172, л. 188.

⁷ Рапорт Денисова 6-го Баркало де Телли от 13 августа 1812 г. (В. Пузанов. Указ. соч., стр. 409—410).

⁸ Ростовский обл. гос. архив, ф. 55, оп. I, д. 1163, лл. 104—104 об.

⁹ С. Хранков. Русская интеллигенция в Отечественной войне 1812 года — «Исторический журнал», 1943, № 2, стр. 73.

Можно привести немало примеров, свидетельствующих о патриотизме донских казаков. Служилые казаки с нетерпением ждали вступления в армию, отставные и «малолетки» добровольно шли в ополчение.

Казак Степан Чурилов прослужил 30 лет и участвовал во многих кампаниях, в том числе в итальянском походе Суворова. Перед войной, находясь в отставке, Чурилов жил на покое в одной из станиц 2-го Донского округа. Когда же было объявлено поголовное ополчение донского войска, он, «будучи уже неспособным за старость лет, из единственного усердия к службе вышел в оном (т. е. в ополчении) — Л. Ф.) и служил в продолжение кампании с неустрашимостью, как свидетельствуют о том полковой командир его полковник Слюсарев I-й»¹. Отставной есаул Федор Гладков, явившийся в хоперское сыскное начальство, заявил: «Хотя я и отслужил мою службу, хотя мог бы жить дома, но не вытерпело сердце угроз вражеских, хочу и я на старости лет быть с нашими братьями воинами; не миши ни жена, ни дети, пока злодеи в земле нашей». Не дожидаясь выступления ополченских полков, Гладков с сыном и племянником уехал в армию, где был зачислен в полк Андриянова 2-го².

Вместе со старицами в ополчение шли юноши, не достигшие призывающего возраста. 15-летний Николай Кузьминов, сын казака, обратился к ген.-майору Иловайскому 3-му с просьбой зачислить его в ополчение. Просьба была удовлетворена. Кузьминову выдали лошадь и оружие, которых он по бедности не имел³. Молодой казак Луганской станицы Иван Попов просил досрочно привести его к присяге и «по усердному своему желанию командировать его с прочими казаками на службу». Иван Попов был зачислен в ополченский Сулинин 9-го полк⁴.

При организации ополчения сказалось существовавшее среди казаков расложение. Трудно было собраться в ополчение бедному казаку: каждый, отправляясь в поход, должен был иметь две лошади и полное вооружение, а у многих бедняков не было лошадей и нехватало оружия. Первое донское сыскное начальство доносило в войсковую канцелярию, что в станице Раздорской «некоторые казаки не могут по бедности приготовить себя ко всеобщему ополчению». Черкасское сыскное начальство сообщало о наличии 80 неимущих казаков в близлежащих к Новочеркаску станицах, которые «к общему ополчению не способны»⁵. Ассессоры войсковой канцелярии Сидоров и Машлыкин, проверяя готовность рабочих полков к походу, сообщали, что 43 казака собравшиеся в ополчение не могут, ввиду их «беднейшего состояния»⁶. Наказной атаман Денисов 6-й сообщал в войсковую канцелярию, что «по всеобщему ополчению войска Донского есть много неимущих казаков», не имеющих средств на приобретение лошадей, оружия и седел⁷. О значительном количестве казаков, не имевших по бедности лошадей, свидетельствует и отношение канцелярии к Платову от 12 августа 1812 г.⁸

¹ Из рапорта Платова Кутузову от 27 марта 1812 г. (Ростовский обл. гос. архив, ф. 55, оп. I, д. 1314, лл. 90—92).

² М. Жириков. Одни из добровольцев Отечественной войны — «Донские областные ведомости», часть неофиц., 1812, № 60, стр. 2. Эти слова в разных редакциях приводятся и другими местными авторами. Однако прямых источников о Федоре Гладкове не обнаружено.

³ Ростовский обл. гос. архив, ф. 46, оп. I, д. 92, л. 21 об.

⁴ Там же, л. 12 об.

⁵ Ростовский обл. гос. архив, ф. 55, оп. I, д. 1163, лл. 101—101 об.

⁶ Там же, л. 101 об.

⁷ Там же, ф. 341, оп. I, д. 172, л. 23 (журнал войсковой канцелярии за сентябрь 1812 г.).

⁸ Там же, ф. 46, оп. I, д. 101, лл. 25—26 об., 51—55 об.

Войсковая канцелярия принимала некоторые меры к обеспечению неимущих казаков оружием и лошадьми. Сыскным начальством предписывалось заказывать плотникам и кузицам ратовья (древки ник) и дротики для бедных, с тем чтобы ни один казак не остался без оружия¹. Неимущим казакам были разданы заготовленные в 1806 г. дротики (1100 шт.)². Имевшим лишнее оружие предлагалось временно уступить его нуждающимся одностаничникам³. Для снаряжения бедных казаков Черкасского округа войсковая канцелярия выделила 3 тыс. руб.⁴. Командирам полков Сулину 9-му и Кутейникову 6-му были отпущены специальные средства на покупку лошадей и седел для неимущих казаков⁵. Кроме того, на приобретение оружия бедными казаками канцелярия отпустила 10 тыс. руб. из денег, пожертвованных торговцами Новочеркасска и станиц Старочеркасской и Усть-Аксайской⁶.

234 торговых казака внесли «на исправление неимущих казаков, вышедших в общем ополчении на защиту отечества», 93 600 руб.⁷. П. Бабенщев прав, называя эту сумму «более чем скромной», так как каждый из торговых казаков внес за свое освобождение от службы по 300 руб. и по 100 руб. в счет пожертвований⁸.

Донские дворяне пожертвовали 1500 лошадей⁹. Наконец, 32 казака и чиновника пожертвовали на ополчение 3025 руб. деньгами, лошадей и различное оружие¹⁰.

Рядовые казаки жертвовали лошадей и оружие с большой охотой, чего нельзя сказать о дворянах и казаках-богатеях, которые часто спекулировали на патриотических чувствах своих одностаничников-бедняков, желавших записаться в ополчение, но не имевших требуемого снаряжения. Количество пожертвованных дворянами лошадей (1500 голов) поражает своей мизерностью: табун одного только М. И. Платова насчитывал 4 тыс. голов. Некоторые из казаков-богатеев обманывали войсковое начальство ложными сведениями о сделанных ими пожертвованиях. Так, в нескольких официальных документах того времени упоминается казак Старочеркасской станицы Иван Журкин, якобы пожертвовавший 4 лошадей и набор боевого оружия¹¹. В начале сентября войсковой канцелярии стало известно, что лошади и оружие Журкин отдал нуждающимся одностаничникам за деньги, взяв с них заемные письма. Выдавая спекуляцию за пожертвование, Журкин в то же время старался избежать похода и остаться вне ополчения¹².

Несмотря на пожертвования и денежные суммы, отпускавшиеся канцелярией, отдельные казаки не смогли поступить в ополчение за неимением оружия и лошадей. Так, 80 казаков, «по неимению чем исправиться в поход на общее воинское ополчение», были оставлены в Новочеркасске для приемства за строительными материалами и для «других надобностей»¹³.

¹ Ростовский обл. гос. архив, ф. 55, оп. 1, д. 1163, л. 102—102 об.

² Там же.

³ Там же, л. 101 об.; д. 914, л. 91.

⁴ Там же, ф. 341, оп. 1, д. 172, л. 23 об.

⁵ Там же, ф. 46, оп. 1, д. 92, лл. 37—37 об.

⁶ Там же, ф. 341, оп. 1, д. 172, л. 23.

⁷ Там же, ф. 46, оп. 1, д. 104, лл. 24—24 об., 56.

⁸ П. Бабенщев. Указ. соч., стр. 96.

⁹ Рапорт Денисова 6-го Платову от 5 августа 1812 г. (Ростовский обл. гос. архив, ф. 46, оп. 1, д. 104, лл. 17—17 об., 50—60 об.).

¹⁰ Рапорт Денисова 6-го на имя министра юстиции по комитету внутреннего ополчения (ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 2, д. 308, ч. II, лл. 222—223 об.).

¹¹ Сб. «Донское казачество в Отечественной войне 1812 г.», стр. 41—42.

¹² Ростовский обл. гос. архив, ф. 46, оп. 1, д. 104, л. 46.

¹³ Там же.

* * *

Еще 30 августа 1812 г. наказной атаман Денисов получил из Москвы предписание М. И. Платова о выступлении казачьих полков с Дона к Москве. Атаман предписывал полкам ити «форсированно, без роздыхов, делая переходы не более 60 верст в сутки». В этом же распоряжении он писал, чтобы 17-летних и 18-летних «выростков» в поход не отправлять, «ибо они, по молодости лет своих, будут составлять один только счет, а при том надобно, чтобы они оставались в домах, сколько для отбытия по внутренности войска повинности, столько и для надзора за имуществом»¹. Таким образом, «малолетки», не принимавшие еще присяги, в большинстве случаев были исключены из списков ополченцев. В конце сентября из них были составлены запасные полки, которые в 1813—1814 гг. сменили расформированные ополченские и возвратившиеся на отдых служилые полки².

Некоторые сыскные начальства и генералы, непосредственно отвечавшие за формирование полков, халатно относились к своим обязанностям (Усть-Медведицкое, Хопёрское начальства; генералы Греков 1-й и Денисов 6-й), в результате чего отдельные полки вышли в поход с запозданием³.

К началу сентября формирование полков закончилось. Всего было составлено 22 ополченских полка⁴ и 4 полка из служилых казаков (Попова 13-го, Кутейникова 6-го, Ягодина 2-го и Грекова 2-го). Несколько ранее, в конце августа, по предписанию Платова от 26 июля из служилых казаков были составлены и отправлены в армию две команды⁵.

В каждом ополченском полку числилось 16 офицеров (не считая командира полка), 10 урядников и 551 казак⁶. Командиры полков в большинстве своем были боевые, заслуженные офицеры. Некоторые из них служили под начальством Суворова и отличились в сражениях при Фокине и Рымнике, при штурме Очакова и Измаила. Старшими начальниками в ополчении были назначены ген.-майоры Иловайский 3-й, Греков 1-й и Греков 3-й; походным атаманом ополчения был утвержден ген.-майор Иловайский 3-й⁷.

11 сентября 1812 г. с Дона в поход двинулись первые полки казачьего ополчения. Выступив из различных сборных мест в различные дни, они всешли по единому маршруту через Тулу к Москве, а затем дальше, на соединение с Главной армией Кутузова. 11 и 12 сентября с реки

¹ Сб. «Донское казачество в Отечественной войне 1812 г.», стр. 39—41.

² Ростовский обл. гос. архив, ф. 46, оп. 1, д. 104, лл. 78—78 об.

³ Рапорт Денисова 6-го Платову от 8 сентября 1812 г. (Ростовский обл. гос. архив, ф. 46, оп. 1, д. 104, лл. 67—68 об.).

⁴ Полки ген.-майора Иловайского 3-го, полк. Слюсарева 1-го, полк. Иловайского 9-го, войскового старшины Шамшева, войскового старшины Трапилки, ген.-майора Грекова 3-го, полк. Чернозубова 5-го, полк. Чернозубова 4-го, полк. Грекова 5-го, подполк. Сулину 9-го, войскового старшины Голицына, войскового старшины Данилова, ген.-майора Грекова 1-го, полк. Андрианова 1-го, войскового старшины Грекова 17-го, майора Ежова 2-го, войскового старшины Сулини, полк. Попова 3-го, войскового старшины Ребрикова 3-го, войскового старшины Андрианова 3-го, полк. Белогородцева, полк. Конкина («Список генералитету и штаб-офицерам, отправленным полковыми командирами с ополчением из войска Донского сентября 18 дня 1812 года» — Ростовский обл. гос. архив, ф. 46, оп. 1, д. 104, лл. 69—69 об.; «Ведомость полкам ополчения, сформированного на Дону в сентябре 1812 года» — И. Попов. Указ. соч., стр. 32—33).

⁵ Ростовский обл. гос. архив, ф. 46, оп. 1, д. 104, лл. 32—34 об.

⁶ И. Попов. Указ. соч., стр. 32—31. Исключение составлял полк Иловайского 3-го, в котором числилось 17 офицеров, 562 казака и урядника.

⁷ Иловайские и донские казаки. Пг., 1914, стр. 37.

Грушики выступила бригада Иловайского 3-го в составе полков: Иловайского 3-го, Корниша и Грекова 17-го. С речки Быстрой 13 и 14 сентября выступили полки Слюсарева 1-го, Иловайского 9-го, Шамшева и Транлина. 12 сентября из Ольхового рога вышли полки Грекова 3-го и Белогородцева, 17 и 18 сентября из Казанской станицы выступила бригада Чернозубова, состоявшая из полков: Чернозубова, Грекова 5-го, Сулина 9-го, Шумкова и Данилова. 16 сентября из Котовской станицы тронулось ополчение Усть-Медведицкого округа под начальством Грекова 1-го в составе полков: Грекова 1-го, Андрианова 1-го, Попова 3-го, Ребикова и Андрианова 3-го; из Михайловской станицы — полки Чернозубова 5-го, Ежова 2-го и Сучилина¹. Вместе с ополченскими полками шли рабочие полки и полуэрота артиллерии под командой войскового старшины Грекова 22-го².

Еще до ополчения, 9 сентября, из Казанской станицы выступили служилые полки Кутейникова 6-го и Попова 13-го. С полком Кутейникова 6-го шла команда из 114 казаков во главе с двумя офицерами и двумя урядниками. Кутейников 6-й получил приказ идти к Туле, а Попов 13-й — к Воронежу³. 18 сентября Денисов из станицы Хрущинской доложил Кутузову, что все 26 полков выступили с Дона к Главной армии⁴.

Таким образом, в поход двинулось 26 полков и три команды, всего 15 465 казаков, урядников и офицеров, из них 22 ополченских полка с общим количеством 12 695 чел.⁵

Из 12 695 чел., составивших донское ополчение, казаков-добровольцев насчитывалось примерно 8752⁶. Остальная часть полков состояла из служилых казаков (3943 чел.)⁷. В среднем на один ополченский полк приходилось 179 служилых и 398 неслужилых казаков и офицеров⁸. Таким образом, ополченские полки имели смешанный состав, с преобладанием отставных казаков⁹.

¹ Рапорт Денисова 6-го Платову от 18 сентября 1812 г. (Ростовский обл. гос. архив, ф. 46, оп. I, д. 104, лл. 67—68 об.); рапорт его же Барклай де Толли от 18 сентября 1812 г. (там же, л. 77—77 об.; см. также там же, лл. 69—69 об.).

² «Донские полки, принимавшие участие в Отечественной войне 1812 г.»... «Пятитная книжка области войска Донского на 1812 г.», Новочеркаск, 1912, отд. V, стр. 17—19.

³ Рапорт Кутейникова Кутузову от 15 сентября 1812 г. («Отечественная война 1812 г.», матер. ВУА, т. XVIII, стр. 84). П. Бабенцов ошибался, считая, что полки Кутейникова и Попова выступили 2 сентября (П. Бабенцов. Указ. соч., стр. 94).

⁴ Рапорт Денисова 6-го Кутузову от 18 сентября 1812 г. (Ростовский обл. гос. архив, ф. 46, оп. I, д. 104, лл. 76—76 об.). М. Богданович допустил неточность, утверждая, что полки выступили с Дона в течение сентября и в начале октября. (М. Богданович. История Отечественной войны 1812 г., т. II, СПб., 1859, стр. 80).

⁵ 21 полк по 577 чел. и полк Иловайского 3-го из 578 чел. При определении количества ополченских полков и числа людей в них П. Бабенцов допустил ряд неточностей, считая, что с Дона вышло 24 ополченских полка в составе около 14 тыс. чел. (П. Бабенцов. Указ. соч., стр. 94—95).

⁶ Этую цифру мы получим, если из общего количества 15 465 чел., выступивших в сентябре, вычтем 6713 чел., находившихся в это время по разным причинам на Дону.

⁷ Эта цифра подтверждается следующим вычислением: четыре полка и команды (всего 2770 чел.) были составлены исключительно из служилых казаков; если вычесть эту цифру из общего количества служилых, вышедших на Дону, то получим 3943 чел.

⁸ Указанные вычисления не претендуют на точность: они лишь примерно отражают численный состав ополчения.

⁹ В рапорте Платову от 1 сентября 1812 г. Денисов 6-й прямо указывает, что донское ополчение состояло из «служилых и отставных генералитета, штаб- и обер-офицеров, урядников, подпорочных писарей, казаков и 19-летних, по 29 году малолетков, по переписи в книге уже записанных и из верности службы присягу принесших» (Ростовский обл. гос. архив, ф. 46, оп. I, д. 104, лл. 28—30). Мнение некоторых авторов, искажающих, что полки состояли исключительно из отслуживших казаков, не основательно.

Проводив мужей, братьев и отцов, казачки приняли на себя все хозяйственные заботы. В приказе по войску от октября 1812 г. Платов писал: «При такой буре всесобщего волнения и бедствия, посчитив Отчество наше, край Донской оставался почти совсем беспомощным. Последние достояния, дома и малолетки воинов донских изверены были отцами семейством попечением жен, единственных помощниц в семейной жизни... Они сохранили дома и имущество, они вскорумили в отсутствие их оставленных младенцев, ком будут полезны также Отечеству, как и отцы их»¹.

Область войска Донского, как и другие губернии, участвовала в сборе пожертвований для армии и жителей мест, разоренных вражеским нашествием. В сводке «Главных пожертвований на государственные нужды, сделанных... по 15 число августа» 1812 г.², область упоминается среди губерний, давших 16 тыс. голов на продовольствие войск и на подъем «войсковых тяжестей». В начале октября 1812 г. Денисов 6-й доносил, что казаки и чиновники Второго Донского округа пожертвовали на продовольствие армии 260 голов рогатого скота. 2 ноября он сообщил, что донские жители собрали еще 2140 быков и яловых коров³. Надо, однако, отметить, что, в то время как население Дона охотно сдавало скот на продовольствие армии, некоторые сыскные начальства и станичные атаманы отнеслись равнодушно к этому важному делу⁴.

В течение 1813—1814 гг. на Дону было собрано в помощь разоренному войной населению 5076 руб. ассигнациями, 32 руб. серебром и 11 серебряных вещей⁵ (не считая около 10 тыс. руб., отданных для этой величины в конце 1812 г. в Синод)⁶.

К январю 1819 г. сумма пожертвований достигла 13 069 руб. ассигнациями и 117 руб. серебром. Пожертвованные деньги и вещи сдавались сыскными начальствами в войсковую канцелярию, где они и хранились. Денисов 6-й, сменивший его Иловайский 5-й, Платов, снова Денисов 6-й (уже будучи войсковым атаманом) неоднократно запрашивали управляющего министерством полиции Вязьмитинова, что делать с этими деньгами⁷. Никаких ответных распоряжений из министерства не поступало. Наконец, в мае 1819 г. Денисов 6-й просил разрешения употребить собранные деньги на открытие в Новочеркасске дома для бедных, где должны были жить казаки, вернувшиеся с войны инвалидами, а также нуждающиеся жены и дети погибших⁸. Судьба этих пожертвований осталась незвестной.

Нераспорядительность, вызванная равнодушием правительства к народным бедствиям, привела к тому, что деньги, собранные на Дону, так и не были использованы по назначению. Многие крестьяне, жившие в местах, где происходили бои, и в селах, захваченных французами, остались без кровя и имущества. Им нужна была помощь, однако на примере области войска Донского можно видеть, как мало думали об этом царские чиновники.

¹ Ростовский обл. гос. архив, ф. 55, оп. I, д. 740, лл. 1—2.

² ЦГИАЛ. ф. 1286, оп. 2, л. 308, ч. II, д. 1.

³ Там же, лл. 222—223.

⁴ Об этом пишет в частном письме сам начальник атамана Денисов (Ростовский обл. гос. архив, ф. 46, оп. I, д. 104, лл. 47—48).

⁵ Дополнение начальника атамана Иловайского 5-го Вязьмитинову от 23 апреля 1815 г. ЦГИАЛ. ф. 1286, оп. 2, д. 260, ч. I, л. 216.

⁶ См. там же, лл. 47—49.

⁷ ЦГИАЛ. ф. 1286, оп. 2, д. 260, ч. I, л. 216; ч. II, лл. 22—23, 29—30.

⁸ Там же, ч. I, л. 210.

* * *

В то время как полки казачьего ополчения шли с Дона к главным русским силам, Кутузов успешно завершил свой замечательный фланговый марш-маневр с Рязанской дороги на Старую Калужскую и 21 сентября 1812 г. остановился лагерем при селе Тарутине.

Тарутинский период освещен в исторической литературе недостаточно. А изучать его исследователям Отечественной войны 1812 г. тем более необходимо, что в то время как русская армия находилась в Тарутине, Кутузов занимался непосредственной подготовкой к предстоящему контраступлению. Основная цель плана Кутузова заключалась в том, чтобы, хорошо подготовившись, перейти в контраступление и закончить войну полным разгромом наполеоновских войск.

Важнейшей проблемой подготовки контраступления была проблема стратегических резервов. Царское правительство не позабыло о создании достаточного количества резервных частей, об их снаряжении и обучении. Не имея резервов вообще и кавалерийских резервов в частности, нельзя было надеяться на успешное наступление и преследование противника.

Готовя резервы, М. И. Кутузов особое значение придавал усилению казачьей конницы, которая в начале XIX в. составляла около 50% всей русской кавалерии (до 42 тыс. чел.)¹. Казачьи войска, виду их особой боевой подвижности, маневренности и гибкости, были незаменимы, особенно в преследовании врага, в нападении на его тылы и фланги. Ценность казачьих полков усиливалась тем обстоятельством, что формирование обычных кавалерийских резервов затруднялось дорожностью, а иногда и полным отсутствием строевых лошадей. В этом отношении донские казаки имели большое преимущество, поскольку у каждого из них была строевая лошадь и вьючная, а о вооружении казаков не надо было заботиться, так как они снаряжались и вооружались на свой счет.

Современники, участники Отечественной войны, подчеркивали высокие боевые качества казачьей конницы². Весной 1812 г. атаман Платов в записке Александру I писал: «Из опытов известно, сколь нужны и полезны для действий во время войны полки казачьи, и чем достаточнее будет число их в армии, тем более можно ожидать полезных успехов»³.

М. И. Кутузов придавал большое значение казачьим резервам Дона. Подобно Суворову, он учитывал особенности казачьих войск и умел использовать их с наибольшей эффективностью. Считая необходимым усиление казачьей конницы, он через атамана войска Донского М. И. Платова торопил войсковое начальство с формированием и отправкой в армию дополнительных донских полков.

Документы сентября — начала октября 1812 г. подтверждают, что Кутузов, Платов, начальники армейских партизанских отрядов и вся армия ждали прибытия свежих, отмобилизованных донских полков⁴. 11 сентября Кутузов писал в донесении Александру I: «Главная работа,

которой теперь занимаемся, есть укомплектование войск». Перечислив, далее, ожидаемые к армии пополнения, он писал: «Сии прибывающие лошади и конница весьма мне во время, ибо многие части кавалерии от беспрестанных действий весьма ослабли, так что из 4-х эскадронов едва составиться могут два, как то 2-й и 3-й кавалерийские корпуса. Теперь же, достигнув предполагаемой точки операций армии для действия в тылу неприятеля, кавалерия весьма нужна. Войска Донского атамана Платов уверял меня, что много у него казаков в скором времени прибыть должны к армии, из коих голову полагает уже в Верхнекеское⁵. В приказе Кутузова по армии от 24 сентября говорится, что «ожидают к армии усердные, хорошо вооруженные и доброконные войска Донского воинства»⁶.

В то время как в лагере при Тарутине с нетерпением ждали прибытия казачьих полков, донское ополчение форсированным маршем, без роздыхов, шло к армии, делая по 60 верст в сутки. Такая скорость для кавалерии была исключительной. Полки или свободно⁷, бригадами, в составе которых они вышли со сборных пунктов. Перед выступлением в поход Денисов 6-й дал специальные указания командирам полков, «чтобы лошади не были доведены не только до какого-либо малейшего изнурения, а состояли бы в совершенной сытости и исправности к делу противу неприятеля... Всемирно заботясь, чтобы казаки во время похода приучаемы были правилам казачьей службы, то есть чтобы ловко сидели на лошадях, умели бы ими и дротиками управлять с быстротою, свойственной казакам, так, чтобы все чины доведены были до такой степени совершенства, дабы при первом действии с неприятелем могли быть такими казаками, которые много уже лет находились на походной службе и сражались многократно с неприятелем»⁸.

Для обеспечения лошадей подиожным кормом казаки растянулись по обеим сторонам дороги, идя сотнями на известном расстоянии друг от друга. В пути молодые казаки получали необходимые практические знания казачьей службы; как идти по звездам, каким образом определять близость неприятеля, как вести разведку и т. д. Встречавшиеся села, реки, леса, пригорки использовались опытными казаками как средство развития тактических навыков у молодежи. Донцы на своих небольших выносливых лошадях переплывали реки, пробирались через густые леса, холмы и обраги. Таким образом, еще в пути каждый полк проходил боевую подготовку — все казаки хорошо знали свои обязанности, а лошади были стильно выезжены.

Полки шли на Тулу через города Успенск, Елец, Лебедянь, Богодарчик⁹. По распоряжению Кутузова, навстречу шедшим с Дона полкам были посланы офицеры с маршрутом дальнейшего следования. Потребность в помощи донских казаков была так велика, что некоторым из них с пути было предписано, не доходя до Тарутинского лагеря, идти к месту расположения той части, в которую они были назначены заранее.

Так, навстречу служилому полку Попова 13-го, шедшему из Воронежа, 21 сентября был отправлен корнет Мариупольского полка Гаукен-

¹ Ростовский обл. гос. архив, ф. 46, оп. I, д. 1063, л. 37.

² См., в частности, записки Дениса Давыдова, М., 1940.

³ Ростовский обл. гос. архив, ф. 46, оп. I, д. 103, лл. 2—3.

⁴ На ожидание полков с Дона указывает в своих статьях П. Рындзюнский (правда, без каких-либо документальных подтверждений). См. П. Рындзюнский. Кутузов в Тарутинском лагере — «Исторический журнал», 1945, № 3, стр. 41. Его же. Кутузов и русская армия в 1812 г.—«Труды Гос. ист. музея», вып. XX, М., 1918, стр. 131.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. I, д. 710, ч. II, лл. 5—6 об.

⁶ ЦГИАЛ, ф. ВУА, д. 3524 (с подлинными приказами Кутузова), л. 33.

⁷ Порядок следования в колоннах считать применяться лишь после введения в 1838 г. в Донском войске устава (П. Краснов. О донской казачьей службе — «Военный сборник», 1875, № 8, стр. 306).

⁸ Ростовский обл. гос. архив, ф. 46, оп. I, д. 104, лл. 32—34 об.

⁹ Там же, л. 92, лл. 81 об., 85, 86, 111 об.

вич¹, которому предлагалось передать Понсю Е3-му распоряжение Кутузова «итти через Тулу к Можайской дороге на усиление партизанского отряда подполковника Давыдова»². 23 сентября поручик подольского уланского полка Чудовиц был послан к Серлухову и далее к Туле на встречу идущим к армии полкам³. Ополченские полки Андрианова 1-го и Андрианова 3-го, следя к Туле, в 14 переходов дошли до Калуги. Из Калуги 2 октября полки эти, по приказанию Кутузова, были направлены к Брянску в распоряжение начальника калужского ополчения Шепелева. Полк Грекова получил назначение в партию Сеславина⁴. Остальные донские полки, подходя к Туле, получали распоряжение ити к Тарутину.

В конце сентября (примерно с 24 по 29-е) в Тарутинский лагерь прибыли служилые полки Кутейникова 6-го и Ягодина 2-го⁵.

1 октября Кутузов доносил Александру I, что казачьи полки, «бывшие в ожидании с Дона, стали иные прибывать к армии, теперь оных пришло уже пять, и сегодня ожидается еще три, таким образом, 4 октября будет здесь новых донских 24 полка. Таковое знатное усиление нерегулярными войсками дает повод к тому, чтобы неприятелю учинить очами беспокойство и вред. До сих пор находятся уже несколько партизанов в действии, и вчера артиллерии капитан Фигнер, отличившийся своей предприимчивостью, был между неприятельским авангардом и главою армии, тревожа их, и взял пленных. С прибытием же донских полков намерен я составить десять таковых отрядов, поручив оные отличнейшим армейским и штаб-офицерским и донским полковникам»⁶.

В период с 29 сентября по 5-октября к Тарутину подошли ополченские полки Чернозубова 4-го, Ежова 2-го и Сучинина⁷. Платов, находившийся при главной квартире в селе Большое Летешово, сделал смотр донским полкам, прибывшим к армии, и обратился к казакам с патриотической речью⁸.

Прибывшие к 6 октября в Тарутинский лагерь донские полки были назначены в авангард армии: Ягодина 2-го и Кутейникова — на левый фланг армии, Чернозубова 4-го и Ежова 2-го — на правый фланг, Сучинина — в центр авангарда. Вечером 5 октября подошел с тремя ополченскими полками ген.-майор Греков 1-й, ожидавшийся лишь 6 октября.

6 октября 1812 г. в атаке казаками Орлова-Денисова правого фланга Мицкера участвовали и прибывшие с Дона казаки-ополченцы полков Чернозубова 4-го и Ежова 2-го. При этом полковник Чернозубов 4-й «с полком имени своего во время атаки на многочисленного неприятеля мужественно напал на его колонны, врубаясь в ряды, расстроил сопротивление и при том поражении гнал его до новых подкреплений, под выстрелами коих построил полк, и, не изирая на многочисленность оного (неприятеля). — Л. Ф.) и сильное действие их орудий, отчаянно атаковал его и при упорном сопротивлении принудил спасаться бегством;

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3508, л. 234.

² Ростовский обл. гос. архив, ф. 55, д. 167, св. 6, лл. 20—21.

³ «Отечественная война 1812 г.», матер. ВУА, т. XVIII, стр. 5.

⁴ В журнале исходящих бумаг штаба главнокомандующего всеми армиями 30 сентября записано, что в распоряжение Сеславина поступил не весь полк Грекова, а лишь половина его (материала ВУА, т. XVIII, стр. 11).

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 1, д. 798, лл. 1—4.

⁶ Там же, д. 710, лл. 23—29 об.

⁷ Там же, д. 798, лл. 1—4.

⁸ Н. Смирный. Жизнь и подвиги графа М. И. Платова, М., 1821, стр. 195—196.

захватил при том одним орудием». Так же храбро действовали казаки и офицеры полка Ежова 2-го⁹.

Тем временем полки донского ополчения один за другим подходили к армии. В журнале военных действий 7 октября 1812 г. записано: «Сего числа донские присоединились к армии остальные ожидаемые с Дона казачьи полки, конь прежде с вновь прибывшими составляют 24 полка. Казаки и лошади сего отличного войска, несмотря на форсированные деленные ими марши, находятся в самом лучшем состоянии и нетерпеливо желают сразиться с неприятелем»¹⁰. С 6 по 11 октября подошли ополченские полки: Иловайского 3-го, Кошкина, Грекова 17-го, Слюсарева, Иловайского 9-го, Шамшева, Траилана, Грекова 3-го, Чернозубова 5-го, Грекова 5-го, Сулча 9-го, Голицына, Данилова, Понова 3-го, Ребрикова 3-го, Белогородцева. Таким образом, к 11 октября в Тарутинский лагерь пришли все ополченские полки¹¹.

К 11 октября из 26 выступивших с Дона полков в Тарутинском лагере собралось 22 полка, из которых 20 были ополченскими и 2 служилими¹². Необходимо подчеркнуть, что полки шли отдельно и прибыли к армии один за другим, а не все сразу. Большая часть их пришла в Тарутинию после сражения 6 октября, так что в Тарутинском сражении участвовало лишь пять пришедших с Дона полков.

О большом значении, которое имело для армии прибывшее донское казачье пополнение, свидетельствуют отзывы многих участников войны 1812 г. В частности, Денис Давыдов в своих записках, говоря, что французы были в Москве не 20, а 34 дня, пишет: «Замечание сие весьма важно, ибо сии 14 дней суть главнейшие союзники превосходства Тарутинского пункта, имевшего столь непосредственное влияние на судьбу неприятельской армии. И подлинно, выступи армия сия 14 дней прежде, то ни один замысел фельдмаршала не достиг бы до полной зрелости. Армия наша не успела бы усилиться частью войск, формированных князем Лобановым, в лагере учение рекрут и поступивших в линейные полки ратников не пришло бы к окончанию, с Дону не успели бы прибыть 24 полка казаков, что с находившимися при армии полками составило более 20 тысяч истинно легкой конницы, причинившей столь много вреда неприятелю во время его отступления»¹³.

В письме к Платову, в связи с награждением атамана графским титулом, Кутузов писал: «Ежели бы подвиги ваши, начав с 6 октября по сей час, и не были так блестательны, тогда скорое прибытие с Дону 26 полков, которые в разбитии неприятеля столь участие имели, достойно сделать признательным...»¹⁴ В Тарутине донское ополчение было расформировано — большинство полков, по распоряжению Кутузова, поступило в корнице атамана Платова, а остальные были направлены на усиление партизанских отрядов Главной армии и калужского ополчения.

¹ «Список полковым командирам, отличившимся в сражении, бывшем 6-го числа октября против французских войск» (ЦГИАЛ, ф. 103, оп. 208а, св. 0, д. 6, лл. 6—6 об.).

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3184, л. 32 об.

³ Решет Платову Александру I от 18 октября 1812 г.— ЦГИАЛ, ф. 1409, д. 798, лл. 1—2; М. Богданович. История Отечественной войны, т. III, СПб., 1860, стр. 18.

⁴ Три полка, как уже указывалось, были сняты в пути направления в действующие части, а казаки полка Грекова, получившие назначение в партию Сеславина, еще 30 сентября покинули Тарутинский лагерь.

⁵ Денис Давыдов. Взлеты занеки, М., 1940, стр. 171—172.

⁶ Сб. «Донское казачество в Отечественной войне 1812 г.», стр. 45—46.

⁷ Исторические записки, т. 47

Казачий корпус М. И. Платова был сформирован в первых числах октября 1812 г. Еще 24 сентября в приказе по армии Кутузов предписывал Платову «собрать поспешно рассеянных разными случаями от своих команд казаков, кроме находящихся в отрядах по повелению, и приготовить их к действиям, как будут ему предназначены; всем же казачьим полкам, при армии состоящим, предписывается обо всем по службе представлять и обо всем рапортовать ежедневно господину Платову — так, как рапортуют они теперь своим частным начальникам»¹.

В первой половине октября под начальством Платова было сосредоточено 17 казачьих полков — около 10 тыс. чел. Позднее, в ходе контраступления, Кутузов подчинил Платову большинство казачьих частей Главной армии². Такая концентрация казачьих полков была необходима, так как Кутузов рассчитывал использовать корпус Платова в качестве важнейшей силы контраступления.

Ко времени выступления армии из Тарутина была решена основная задача подготовки контраступления — достижение численного превосходства над наполеоновской армией. Продовольствие и боевые припасы были заготовлены в достаточном количестве; войска отдохнули и были полны решимости продолжать борьбу с захватчиками; ширилась партизанская борьба, в которой действовали совместно крестьянские и армейские партизанские отряды. Количественный рост армии и повышение ее боеспособности явились важнейшим условием, обеспечившим успешность контраступления, начавшегося 12 октября сражением при Малоярославце.

Перед выступлением Главной армии из Тарутина лагеря Кутузов предписал Платову ити с казачьим корпусом на Боровскую дорогу к Малоярославцу и предупредить обход города неприятелем. От Малоярославца Платову предписывалось направить отряд к Боровску. «Сим движением,— писал Кутузов,— прикройте ты первоначально Калужскую или Боровскую дорогу, по коей неприятель в силах показался, на которую и вся армия наша сделает движение»³. Перед Платовым была поставлена задача — нападать на фланги и тылу французских войск, преследовать их по пятам, не давая покоя ни днем, ни ночью. Ему предписывалось вести постоянное наблюдение за движением неприятеля, а также поддерживать связь между отдельными частями Главной армии.

Казаки-ополченцы участвовали в контраступлении Кутузова в составе армейских партизанских отрядов (6 донских ополченских полков), в корпусе Платова (12 ополченских полков) и в авангарде под командованием Милорадовича (4 полка).

Выше указывалось, что описание боевых действий казаков не входит в задачу настоящей статьи, так как донское ополчение по прибытии в Тарутино было расформировано и как таковое перестало существовать. Отметим только, что ополченские полки в 1813 г. были возвращены на Дон, тогда как служилые полки участвовали в кампании 1813—1814 гг. и возвратились на отдых лишь в 1815 г.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3524, лл. 33—34.

² В октябре — декабре 1812 г. при Главной армии состояло примерно 54 казачьих полка численностью около 31 тыс. чел. (считая в среднем по 570 чел. в полку). Еще Михайловский-Данилевский указывал на трудность определения точного количества казаков в армии. В различных сводках 1812 г. чаще всего указывается или примерное количество полков, или просто говорится о действиях «донских казаков» (без указания их численности). Можно лишь приблизительно высчитать, что перед выступлением к Малоярославцу у Кутузова было 54 казачьих полка — 28 находившихся в его распоряжении ранее и 26 полков, прибывших с Дона.

³ «Фельдмаршал Кутузов». Сб. документов и материалов, М., 1947, стр. 212.

Являясь ополчением казачьим, донское ополчение во многом отличалось от крестьянских ополчений 1812 г.

Оно состояло из людей свободных, принадлежавших к особому военному сословию. Казаки-ополченцы были всегда «конни и оружи», т. е. как ратники-крестьяне вынуждены были итти на войну чаще всего пешими, плохо вооруженными. Казаки были опытными воинами, умели хорошо владеть оружием и действовать в конном строю. Надо признать еще во внимание возможность быстрой мобилизации населения Дона.

Все эти положительные качества, свойственные казачьим ополченским полкам, выгодно отличали их от крестьянских ополчений. В свое время эти особенности были учтены М. И. Кутузовым. Кутузов хорошо понимал незаменимость казачьих полков в партизанских отрядах, в разведке, дозоре, в проследовании отступающего противника. Поэтому каждый из командиров ополченских полков получил особое задание. Таким образом, в войне 1812 г. участвовало не ополчение Дона в целом, а ополченские казачьи полки, находившиеся в различных отрядах, корпусах и бригадах Главной армии. Это также отличало донское ополчение от ополчений губернских.

Наконец, если губернские ополчения резко отличались от регулярных войск, то донские ополченские полки, несмотря на особенности в их формировании и снаряжении, участвовали в войне 1812 г. наравне со служилыми полками, входя без всяких ограничений в состав казачьей конницы.

* * *

Казаки-ополченцы — старики и юноши — так же храбро сражались за Родину, как и служилые казаки, как и весь русский народ. К ним в полной мере могут быть отнесены слова благодарности нашего генерального полководца М. И. Кутузова: «Почтение мое к войску Донскому и благодарность к подвигам их в течение кампании 1812 года»⁴.

⁴ Сб. «Донское казачество в Отечественной войне 1812 г.», стр. 10—11.